

Телегина Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры социальных дисциплин Московского автомобильно-дорожного государственного университета (МАДИ), Сочинский филиал, дом. адрес: 354066 г. Сочи-66, ул. Искра, д. 41/Б, кв. 1. т.: 89284462137; 8 (622)472117. Раб. адрес: г. Сочи, Хостинский район, ул. Чекушева, д. 5. тел.(факс) 8(622)677772, e-mail: olya-telegina@yandex.ru.

ПРОЯВЛЕНИЕ СПЕЦИФИКИ МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЯЗЫКА ПРИ ОТРАЖЕНИИ РЕАЛЬНОГО И ВИРТУАЛЬНОГО МИРОВ

(рецензирована)

Предмет - возможности языка и мышления; объект – языковое описание реального и вымышленного миров, цель – изучение самостоятельности каждого из них и взаимопроницаемости. Задача: исследование того, как в сознании носителей языка любой мир преобразуется, творчески переосмысливается, образуя возможные культуры. Вывод: попадая в виртуальные миры, язык, языковое мышление также способны подвергаться изменениям.

Ключевые слова: реальность, вымысел, возможное, виртуальные миры, язык, мышление, сознание.

Telegina Olga Vladimirovna, a senior lecturer of the Department of social sciences, Moscow Automobile and Road State University (MARI), Sochi branch, home address: 354066, Sochi-66, 41 B St., flat 1, t.: 89284462137, 8 (622) 472117. Office address: Sochi, Khostinsky district, 5 Chekmenev St., tel. (fax) 8 (622) 677772, e-mail: olya-telegina@yandex.ru.

DISPLAY OF SPECIFICITY OF LANGUAGE MENTAL SPACE IN REFLECTING REAL AND VIRTUAL WORLDS

The subject of the research is the possibility of language and thought, the object is language description of real and fictional worlds, the objective - the study of self-sufficiency of each and their interpenetrability. The problem: study of how the minds of native speakers of any world are transformed, creatively reinvented, forming a possible culture. Conclusion: getting into virtual worlds, the language, linguistic thinking are able to be changed.

Keywords: reality, fiction, possibility, virtual worlds, language, thought, consciousness.

Понятие «реальный мир» не имеет однозначного понимания, чёткой, могущей быть примененной во всех областях знания дефиниции. Так, еще Платон и Аристотель полагали, что *существует* не то, что дано эмпирически, а то, что отвечает научному мышлению и познанию [3]. Иначе говоря – это концепт, категория, понятие, объективация: существованию как реальности приписываются те свойства, которые обеспечивают возможность научного мышления, т.е. рассуждений и мысли без противоречий и других ошибок [12,65]. Таким образом, для античного мыслителя существует лишь то, что обеспечивает познание и мышление [12,67]. В современной науке сформировались две противоположные точки зрения на реальность – естественнонаучная и гуманитарная. Одна позиция, несемиотическая, такова: реально и существует только физическая реальность. В таком случае «реальность – это то, что реально существует и обнаруживается благодаря воздействию на органы чувств» [5,292]. Другая, семиотическая: реально и существует то, что задаётся текстом, знаками, языком. Первичным, с точки зрения семиотики, является не природа, это всего лишь объективация определенных идей, концепта, понятия, возникших, как показывают современные исследования, довольно поздно, первичны наши семиотические построения, в данном случае с природой – модели и идеальные объекты естественной науки [12,63]. Гуманитарную позицию в отношении реальности наиболее последовательно сформулировали Н.А. Бердяев и М.М. Бахтин. Реальность по Бердяеву – это не объект, а объективация познавательной способности личности. Объект есть порождение субъекта. Реальность возникает не сама собой, а в результате активности субъекта (личности, эстетического субъекта), когда он мыслит, сочиняет, переживает [7].

Бахтин аналогичным образом утверждал, что именно объект (автор или читатель) своей активностью делает форму формой, реальность реальностью и придаёт реальности статус коммуникации и диалога. По Бахтину реальность существует не столько в качестве проекции личности, сколько между личностями как необходимое условие их коммуникации [6].

В наши дни всё более привлекательной выглядит точка зрения, по которой именно семиозис и язык должны рассматриваться как порождающие реальность, точнее, разные реальности [12,63]. Гуманитарное понимание существования можно рассматривать как такой тип существования, который соотнесен с опытом самого исследователя, его ценностями [12,68]. Это важно еще и потому, что весьма трудно провести границу, разделяющую человеческие вымыслы и реальности. В.М. Розин справедливо отмечает: «Когда-то полёты в небо или на Луну были вымыслами, сегодня – это реальность. Когда-то даже ученые думали, что сказки или мифы – это произвольные построения человеческого ума, фантазии. В настоящее время мы относимся к ним серьезно. И вообще, где мы живем главным образом: разве не в мире слов, понятий, фантазий, которые мы рано или поздно превращаем в разные реальности?» [12,64]. Так античное понимание существования представляет собой объективацию нового социального опыта; это мышление получает название научного и философского, а соответствующая способность мышления – познания [12,67].

Особенность мышления, участвующего в процессе восприятия, познания, отражения (не констатации) реального мира такова, что оно в той или иной степени преобразует реальность. «Можно сказать, что человек воспринимает окружающий мир не таким, каков он есть объективно, а измененным, подстроенным и модифицированным согласно его опыту, представлениям, ожиданиям, установкам и стереотипам. Другими словами, получается, что психика человека *виртуализирует* реальность в указанном выше смысле: мы видим мир не таким, каков он есть, а таким, каким ожидаем увидеть, то есть реальность "не реальна", а "ожидается", "конструирована"» [5,293]. По мнению Дж. Келли, человек является пленником своих интерпретаций мира: человеку часто важен не столько сам объективный факт, сколько значение, ему придаваемое (см. [2]). В силу этого О.Е. Баксанский заключает, что виртуализация реальности является естественным и необходимым механизмом нормального познания, направленным на приобретение знаний, понимание и объяснение, а также предсказание явлений окружающего мира [5,304].

Вместе с тем, ученые предостерегают от свед`ения *возможного* к иным, более широким категориям, таким как реальность или язык, бытие или понятие. «*Возможное* – не есть некая особая реальность, обладающая своей физической протяженностью или пространственно-временным континуумом. Но *возможное* и не есть условная фикция, отражающая в символической форме свойства нашего реального мира... Особенность *возможного* – именно в его несводимости к реальному, будь это реальность нашего мира или других миров... *Возможное* принадлежит иной модальности, чем действительное, поэтому по определению включает в себя неполную или необязательную реализуемость» [8,15-16]. Возможное остаётся возможным лишь постольку, поскольку не может вполне воплотиться, то есть сохраняет в себе зерно невозможности. Возможное одновременно и даётся в руки, и выскальзывает из рук. Возможное, подобно мифической силе, произведя действие, тут же исчезает, ибо, становясь частью действительности, оно перестаёт быть возможным [8,19].

Ряд исследований доказывает, что «мышление человека большей частью нелогично, его иррациональность ответственна за тревогу, депрессию, паранойю, суеверия и предрассудки, так часто встречающиеся в современном мире. Большая часть из нас становится абсолютно нелогичными в период стресса и только небольшая группа людей способна постоянно следовать правилам логики» [9,153-154]. Вместе с тем, ученые утверждают, что «человек насколько реалистическое (рациональное), настолько и фантастическое (внерациональное) существо. Но воображение или фантазия вовсе не противоразумное, иррациональное свойство или качество человеческого духа. Воображение – познавательная способность, координирующая и чувства, и рассудок, и разум. А фантазия как высшая форма воображения, реализующая его творческие возможности в мифах, сказках, произведениях искусства, мечтах, дает возможность самореализации человека в соответствии с идеалом, и с антропоцентрической точки зрения выступает сущностным родовым признаком человека и важнейшим конструктивным компонентом, элементом культуры» [16,33].

В.М. Розин полагает, что сейчас человек должен научиться заново мыслить – не постулируя единого существования мира, понимая, что «любая онтология – это прежде всего авторские языковые и ментальные конструкции. Мыслить, принимая в расчет любые формы полноценной индивидуальной жизнедеятельности, любые реальности» [12,69].

Вероятно, в число проявлений такого мышления попадает существование «**ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ**». Это понятие имеет значительную историю. Инициатором постановки вопроса о возможных мирах является немецкий философ, физик и математик Г. В. Лейбниц. Размышляя о вопросах мироздания, он утверждал, что Божественный разум содержит вариант бесконечного множества миров, но Бог выбирает лучший из этих миров, творя его таким, каков он есть (см. [4,11]).

А.П. Бабушкин под «возможными мирами» подразумевает сегменты ментального пространства, в пределах которых в разной степени реализуется возможность совершения тех или иных действий. Речь идет о сценариях, полученных в результате мыслительных проекций действий в иную ипостась относительно позиции "здесь и сейчас". Возможные миры, таким образом, существуют не "где-то там", а в сознании носителей языка» [4,12]. Исследователь констатирует тот факт, что идея «возможных миров» всё глубже проникает в чисто лингвистические исследования, в частности, позволяя по-новому посмотреть на миропорождающую потенцию условных предложений и выявляя их неоднородный характер как своеобразных «окон» в возможные миры [4,12].

В понимании современных ученых-филологов возможные миры – это и множество высказываний, и миры художественных произведений, это и «внутренний духовный мир» каждого человека [11,30]. «Возможный мир может задаваться множеством атомарных высказываний или их отрицаний (описания состояний). В этом случае под возможным миром имеется в виду совокупность фактов, задаваемых этими высказываниями» [12,76]. В западной лингвистике и культурологи название *возможных миров* или *возможных культур* получили искусственно созданные культуры [8,4]. Ряд авторов относит к возможным мирам лишь то, что не существует в реальности, выдумку, фантазию. О.Н. Юречко понимает фантазию как воображение, как особый феномен обнаруживающий себя в явлениях культуры и выявляющий сущность человека как существа деятельного, творческого, открытого, соединяющего в себе конечное и бесконечное, подлинное и мнимое, реальное и идеальное. «Фантазия как сущностно-антропологический феномен выводит человека за границы инстинктивно заданного, встроенного в природную необходимость поведения и действия, придаёт ему завершённость, целостность, экзистенциальную глубину» [16,30]. Исследователь приходит к выводу о том, что «фантазия необходима, так как делает возможным вообще осознание "границы", фиксацию и сравнение исторического, культурно-антропологического несоответствия различных миров, мировосприятий, мироощущений, верований и т.д.» [17,32]. Возможные миры обладают большой креативностью: «Соединяя несоединимое (бытие – небытие, реальное – идеальное), фантазия в мифе, сновидениях, художественном творчестве, искусстве, научном проекте задает возможности обретения человеком своей сущности, раскрытия и реализации своих возможностей самосозидания» [16,29]. С другой стороны, фантазия как мыслительный процесс может оказать влияние и на реальность: «Возможные (виртуальные) миры неизбежно появляются как наиболее наглядный, доступный сейчас почти каждому человеку способ проверки обобщенной когерентности формирующихся новых структур организации друг с другом, а также и с уже существующим миром (или даже с возможными теленомическими воздействиями некоего будущего мира на наше теперешнее настоящее)» [1,22].

Попадая в виртуальные миры, язык, языковое мышление также способны подвергаться изменениям: «В настоящее время многие ученые, изучающие обыденный язык и учитывающие прагматические характеристики высказываний, склоняются к мысли, что такие объекты получают в определённых контекстах своеобразное существование, что в конкретных текстах слова попадают в зону действия формализующих операторов "в кино", "в романе", то есть имеются в виду тексты, описывающие вымышленные ситуации, сны, суеверия и т.д.» [8,117].

Итак, виртуальность всё более приобретает черты реальности. В сфере психической деятельности, в пределах бессознательного свои измерения, своё отражение действительности. Но «при этом нет чёткой грани между реальным и воображаемым мирами. Человек склонен к художественным фантазиям... Мечты иногда оказываются реальнее простых жизненных ситуаций, ср.: *Город Солнца, рай, американскую мечту, светлое будущее* и другие прожекты, овладевавшие умами миллионов людей... Памятью своей человек, как челнок, возвращается мыслью в прошлое, во

внутренний мир своих воспоминаний (ср. *interior world of dreams and memories*), заглядывает в будущее, планирует события... В сознании человека причудливо переплетаются реальный и воображаемый миры. В языковом плане это отражено в выражениях "ходить как во сне, go daydreaming"» [14,49].

Всё более актуальным становится решение проблемы: понимать ли возможный мир онтологически, как нечто отличное от реального мира, или эпистемологически, то есть как другой вариант видения реальности? [15,28]. Исследователи отмечают, что «понятие виртуальной реальности в его общем виде приложимо ко всем видам реальности: и физической, и технической, и психологической, и т.д., поскольку в широком контексте, а именно как философская категория, категория виртуальности предлагает единую онтологическую парадигму не только для естественных и технических дисциплин, но и для гуманитарных» [12,57]. В силу этого «можно заключить, что виртуализация реальности является естественным и необходимым механизмом нормального познания, направленным на приобретение знаний, понимание и объяснение, а также предсказание явлений окружающего мира» [5,304]. В.И. Заика практически абсолютизирует понятие вымысла, т.к. полагает, что «функциональность (вымысленность) – признак всего, что включено в художественную модель: и реалий, и повествователя,.. и языка» [10,63]. Таким образом, язык как средство мышления оказывается способным соединять несоединимое – реальность и виртуальность, объективно существующее и выдуманное.

Литература:

1. Акчурин И.А. Виртуальные миры и человеческое познание // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб., 2000. С.9-29.
2. Андреева Г.М. и др. Современная когнитивная психология на Западе // Теоретические ориентации. М., 1978.
3. Аристотель. Метафизика. М. ; Л., 1934.
4. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в ментальном пространстве языка // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты : материалы всерос. науч. конф. М. ; Пенза, 2001. С.11-12.
5. Баксанский О.Е. Виртуальная реальность и виртуализация реальности // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб., 2000. С. 292-305.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
7. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990.
8. Боженкова Н.А. Логико-синтаксические механизмы кодирования возможных культурных смыслов в тексте. М., 2005.
9. Бубновская О.В. Когнитивный фактор и проблема аномального поведения // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты : материалы всерос. науч. конф. М. ; Пенза, 2001. С.151-155.
10. Заика В.И. Риторическая и эстетическая реализация языка // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты : межвуз. сб. науч. тр. Сочи, 2002. Вып. 1. С.59-67.
11. Коняев С.Н. Реальная виртуальность: границы наблюдателя в информационных пространствах искусственно созданных миров // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб., 2000. С.30-55.
12. Розин В.М. Существование, реальность, виртуальная реальность // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб., 2000. С.56-74.
13. Смирнова Е.Д. Семантика возможных миров и обоснование логического знания // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб., 2000. С.75-90.
14. Тиунова С.П. Типы пределов беспредельных миров человека культуры // Менталитет. Концепт. Гендер. – Landau: Verlag Emprische Padagogic, 2000. Вып. 7. С. 46–51.
15. Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск, 1977.
16. Юречко О.Н. Фантазия как сущностно-ориентированный феномен // Природное и социальное в основаниях личности : материалы науч. конф. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 29-33.